

люди искусства

ДАВАЙТЕ СОЗДАДИМ ОПЕРУ

Моск. краевед. — 1987. — 22 марта

Прославленный оперный режиссер, поставивший множество спектаклей на сценах нашей страны и за рубежом, бывший в то время главным режиссером Большого театра, в канун своего 60-летия пустился в новое, первооткрывательское по сути, предприятие. Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, профессор Борис Александрович Покровский основал новый театр — Московский Камерный музыкальный.

Встать на этот путь можно было, только безгранично веря в то, что оперное искусство велико, многообразно и демократично, что музыканты раньше, точнее и правильнее всех слышат свою эпоху. «Слушайте музыку революции» — так у Блока сказано. Какая мощная вера во вчерашних студентов-гитисовцев вела их мастера, вера в то, что поющие актеры смогут спеть и сыграть все, что уже написано и что еще только будет написано оперными авторами. Как опытный селекционер, Б. Покровский привил к мощному, разветвленному дереву оперы крохотный побег. И он принялся, зазеленел, пошел в рост, набрал силу, дал плоды.

Сегодня, когда Камерный музыкальный театр стяжал известность как уникальный организм, когда на его сцене поставлено 53 оперы, 35 из которых принадлежат советским авторам, следует заметить, что предприятие Покровского полтора десятилетия назад новое дело было связано с риском, и немалым.

По адресу театра в «подвальчике» высказывалось много всякого, в том числе и явно несправедливого, шедшего от незнания, нежелания выслушать и понять. А Камерный подкидывал своим противникам, спорщикам все новые аргументы — разумеется, в виде спектаклей. И убеждал, и завоевывал, и побеждал. Хотя Покровский известен и как автор немалого количества книг об опере, главное для него все-таки не теоретизирование, а живое сценическое творчество, а уж потом по следам, по результатам и обобщение опытов. Да, каждый спектакль, поставленный в бывшем кинотеатре «Сокол», — это опыт, потому каждый раз это «езда в неизвестное», открытие неведомого.

Что уж новее, нежели постановка сочинения молодого, мало кому известного или даже вовсе не известного автора? А понимаемое как дело чести восстановление в советском репертуаре считающихся невероятно сложными в вокальном отношении опер Дмитрия Шостаковича? А возвращение на сцену забытых произведений старинных русских композиторов (чего стоит одно «Ростовское действо»)? А новое прочтение вещей классических, открытие в них живых страстей, близких и понятных людям, живущим в конце XX столетия?

Кстати тут заметить, что Б. Покровский не терпит понятия «самовыражение». Выражать, считает он, нужно автора. Сопоставить слову, одухотворенному музыкой, действие — вот задача театра. Другое дело — понимать, что Моцарт в свое время и Моцарт в конце нашего века воспринимается по-разному. Мы с Моцартом соприкасаемся другой гранью, не той, что наши предшественники. Мы ставим Моцарта, говорит режиссер, и из XVIII века Моцарт подает нам руку, чтобы поднять нас на новую ступень искусства.

А какие литературные источники выбирает Камерный — Гоголь, Достоевский, Чехов, Шукшин, Распутин. Выражая слово этих писателей через музыку, театр помогает зрителям более углубленно постигать смысл их книг.

Но опыты театра так и остались бы опытами, интересными лишь для специалистов, если бы каждый раз не достигался высокий художественный результат, который один и способен привлечь зрителя. Понаблюдайте за зрителями в Камерном — они смеются и плачут, грустят и веселятся. Они включаются в действие. Театру нужен свой зритель — эстетически активный, не прячущий свои эмоции. И театр воспитывает такого зрителя.

Если вы побывали на опере Б. Бриттена «Давайте создадим оперу», одни или с детьми, вы, надеюсь, не забыли, ухали ли вы в сцене «Ночной лес» соевой, каркали вороной или пенякали зябликом. Игра так захватила вас, что вы, позабыв про годы, солидность, отделились ей, как в детстве, — беззаботно и счастливо. В ведущий со сцены рассказ о злочлечениях английско-го мальчугана каждый из зрителей добавил самую малую долю — своим горячим участием, несколькими вслух произнесенными словами, и опера получилась, выпелась. И вы покидали театр его союзниками. Навсегда. А ныне уже новое поколение звонкоголосых ребят поет и играет этот спектакль. И попробуйте докажете кому-нибудь из мальчиков-колокольчиков, что опера — жанр несовременный.

Порой кажется, что это к лучшему, что у театра именно такое — неприспособленное к сценическим запросам — помещение, потому что все его недостатки обыгрываются и служат

на пользу спектаклей. Оркестровой ямы нет, и потому музыканты располагаются то у задника сцены, то в конце зала, за зрительскими рядами. Но уж зритель никогда не поймает у актеров-певцов во время любовного объяснения взгляда, брошенного на дирижера. Исполнители вынужденно проходят на сцену через зал, но любой такой проход оправдывается поведением актеров всегда. Фантазия, выдумка постановщиков раскрепощены, так как у них всего мало, и вот тогда-то минимумом сценических средств достигается максимум выразительности. Каждое слово отчетливо, каждая интонация точна, каждое движение осмысленно. Стихии слова, музыки, действия слиты воедино и обращены напрямую к чувству, разуму, совести зрителя. Спросите зрителя Камерного, он ответит, что нынешнее время — одно из лучших времен для оперы.

Но распространено и не лишено основания и мнение противоположное: «Опера устарела, она находится на грани гибели». Особенно противоестественно, считает Б. Покровский, если в пору, когда вся страна испытывает огромный подъем духовных сил, устремлена вперед, опера — величайшее достижение человеческого разума и сердца — не участвует в этом процессе.

Недавно нам показали оперу о Марксе и его жене, говорил художественный руководитель Камерного театра. Это сочинение, раскрывающее вершины человеческого духа, словно для нас написано. Такие темы, посвященные духовной жизни великих людей, будут развивать оперное искусство, для нас это бесспорно. В силах оперы раскрыть то, что невозможно напрямую выразить словом, — человеческую озабоченность, одухотворенность, идеальность.

Нет, отнюдь не к лучшему, что театр располагается в непригодном для оперы помещении. Мириться с таким положением значило бы забыть, что талант певца не только его личное, но и наше общее, национальное достояние. Нужно ускорить реставрацию предназначенного для театра помещения на улице 25 Октября. А все остальное художественный руководитель, артисты, дирижеры, режиссеры, хормейстеры сделают сами. Впишут в новую сцену старые спектакли по-новому, создадут совсем новые постановки. Зачем говорить о том, как они будут петься и играть. Нужно делом приблизить пору, когда их можно будет увидеть и услышать.

Т. СЕРГЕЕВА.